

МОЙ ДОМ СЛОВО

ИГОРЬ БУРИХИН

МОЙ ДОМ
СЛОВО

Издательство « Третья волна »

Франция 1978

ОБ АВТОРЕ

Ленинградский поэт Игорь Николаевич Бурихин родился в 1943 году. Окончил Ленинградский институт Театра музыки и кинематографии как театровед и был оставлен в аспирантуре. Знаток немецкой литературы, переводчик Новалиса, автор диссертации о Клейсте. В 1974 году по указанию КГБ исключен из аспирантуры и с тех пор работал на разных работах, обычных для опального русского интеллигента: пожарником, рабочим у геологов, сторожем. Бурихин начинал с культурного переосмысления всей предыдущей ему поэзии, зачастую путем ее передразнивания (цикл «Опыты соединения стихов посредством стихов»). Затем стихи его приходят ко все большей простоте. В СССР не напечатал ни одной строки. Участник самиздатского журнала «37», который выходит в Ленинграде. На Западе печатался во всех основных журналах: в «Континенте», «Вестнике РХД», «Гранях», «Время и мы». Книга «Мой дом слово» состоит из стихов, написанных летом 1975 года как единый цикл.

редактор М. Муравник

На первой странице обложки репродукция фрагмента картины Дмитрия Плавинского «Стена молчания»

* * *

Я покидаю грешную Москву,
как оставляют нежную супругу,
и направляюсь на восток и к югу,
куда летит, подобная мазку,

и скачет тень подстать автомобилю,
пересекая сказочную степь.
И все бывшее порастает пылью.
И силой ветра разрывая цепь

пережитого — от любовных кляуз
до облеченных властью угроз,
как на свечу, лечу я, изумляясь,
на тополя, забывшиеся в рост...

покуда ночь не позовет к ответу
еще на непоставленный вопрос.
И память в бездну упадет отверзту
под вопиющих перезвоны звезд.

* * *

Москва - Воронеж...

Вот она степь, позади Воронеж.
Так и Россия мелькнет — догонишь
разве пословицей ! Я б решил,ся,
да забодают, небось. На джинсах
усики ржи, на закате стадо.
Медленно падает ночь. Не стало

времени в этом последнем блеске
взвешивать, думать о самых близких,
как о себе, и бродить виною
в глинах Господних. Летит войною
жук опоздавший по звездной сети.
Лень заглядывать в небо. Ветер

лезет под кожу, густой и теплый.
Хорошо было с этой телкой !
Льну щекою к прелести леса.
Неподалеку бормочет трасса.
Небо бодает месяц двурогий.
Двое святых идут по дороге.

Две колеи, поднимаясь в небо,
за руки взявшись. Борис-и Глеба
церковью замерли. Да убоится
в поле ищущий их убийца.
Ибо, где двое назвали имя
Господа, смерть уже между ними

только метнулась стрелою ватной.
Степь повернулась и стала вмятной.
Только взметнулась шальной птицей
вместо креста. Пусть и мне простится
как богословам от атеизма,
церковь, воздвигнутая капризной
силою слов !..

* * *

Ты видел Каспий, протягаясь...
Г. Державин

Углубляясь в себя, как улитка в молчание, танцем,
в пируэте храня уязвимое тело, хоть панцирь
ненадежен любой, а движение не может быть домом
даже для беглеца. Обходя стороной психдиспансер —

топким, илистым дном, где-то между Кубанью и
Доном

забегая вперед, в положении столь неудобном
на земле, а в воде позволяющем видеть сквозь негу
исподола закат. Поминая недолго недобрым

словом век скоростей, поелику мелькали по небу
на холмах города. Отсекая родную амёбу
от Европы, мотор принимая за лиру, тупея
от гуденья стихов. Прижимая к иссохшему нёбу

вместо Веги по грудь обнаженную Кассиопею,
что опасно Китау, Андромеде, Пегасу, Персею,
расхлебавшим под утро всю эту историю в лицах.
Оступаясь во сне, продолжая свою эпопею,
как немое кино...

Между тем, как всплывает Кавказ, и
вновь Кавказ предо мной! — постоишь в стороне и на
Каспий,
ибо горы блюдут автономность союзных республик,
а шофер из хохлов, протягаясь объездом. Как в сказке,

три-на-девять земель поменяв на устойчивый облик
триединых небес, и обратно к земле. Аки обре,
попадая впросак там, где нужен язык, чтобы скромно
наказать свою плоть переперченным пловом. Оглоблей

взад от сумрачных жен, чья, пожалуй, мужская
истома

отдается в костях. За озноб от ночного парома
получая в песках не людскою сторицей, а зноем,
оппадающим в ночь, как с обрыва сухая порода

продолжает шуршать под ногой проползающим
змеем.

Нагибаясь в земле к ядовитым созвездьям, знаменьям
близкой смерти. Свой слух наполняя подобием праха.
Утомляя глаза, чтобы микроскопическим зреньем

обезвредить свой сон. Только в небе откликнется
птаха!

Натерпевшись в ночи христианского срама и страха,
полагая, что так можно стать, наконец, иностранцем,
путник вспомнит, что здесь он — слеза на реснице
Аллаха,
и вернется в себя, как улитка в молчание, танцем.

ЖАЛОБА НА ВРЕМЕНА ГОДА

*Где все те живые, что веселились в...
Welcher Lebendige, Sinnbegabte...
Э. Лимонов — Novalis*

1

Сегодня снова, обернувшись ночью,
я увидел, как из горы Возничий,
удерживая колесницу, скачет
по коридорам Млечного пути.
И значит, что я скоро буду дома.
На почте ждут, оставленные письмам,
весьма разноречивые известья
о том, к каким я возвращаюсь мыслям,
покуда азиатская истома
меня вращает по своим созвездьям...

Где все те близкие, что веселились
еще в июне. А в августе
они уже находились под следствием. А в апреле
даже вышли на волю, которой убыло
в марте, мае, июле и в любое другое

время года, и при любой погоде. Или всю эту зиму
я спал и они мне снились ?

Теперь я силюсь удержать их лица.
В какой невзгоде вновь увижусь с ними ?
Какими снами поит заграница
в чужих краях, куда, как говорится
о смерти, путь один : покуда сам не
в свои неволей не садишься сани.

Куда ушли родные христиане ?
Кого себе вернула Иудея.
Кого влекла безумная идея
бежать в леса Соединенных Штатов.
Кому в Европе все казалось свято.
Кому и в Вышних не бывать в Осанне !..

Как много в жизни чуждого душе.
Как мало нужно — меньше, чем друзей,
оставленных по миру для скитаний.
Кто крест несет, а для кого креста нет.
И в них себе не нахожу я места.
А к осени уже пройдут аресты.
И в государство, мыслящее лесом,
я возвращусь мятущейся щепой —
вблизи каких-то современных зданий,
Москва, Москва ! исколесивши задний
двор Азии...

Оказывается, я люблю горечь
и головные боли похмелья. Напрасные

любовные письма. И самый сладкий
запах сигаретного дыма, по долгом
воздержании возбуждающий во мне,
в память об осени,
почти духовную жажду. И самый этот
дым Отечества, когда оно неизвестно
где — в опасности — и куда оно скрылось.
Всю эту зиму думаю о смерти.
И мысли черные ко мне придут.

Я весь умру...
Нет, весь я не умру...

А звезды в основном массиве неба
на Севере все те же. И мостили
одну по ним Батыеву дорогу.
Одна судьба у Азии с Европой.
Один судья вершит рекой, что крошит
останки глыб в тимуровском хисаре
и моет рельс в секстанте Улугбека,
и вертит небом только так, как хочет,
о чем не скажут в пулковской мечети,
и правит мне обратный путь из Средней
всей Азии сквозь среднюю Европу !..

И снова я лежу в чужой постели.
И снова я переживаю зиму.
И снова меня в чем-то не простили.
А расставанью не бывать взаимну.

И снова я общаюсь с Богом через
какую-то воинственную птицу —

стучит в мозгу и открывает челюсть,
лететь не может, а сказать боится.

И это мне должно служить уроком.
И я хочу бежать из Петербурга.
И женский голос мне звучит упреком.
А возвращенье нежности бравурно.

И это все лишь ускоряет бегство.
И лучше мне не просыпаться утром,
чем пережить все это снова, будто
вспоминаю ужасы детства...

Какой замысловатой мерой Бог
черпает время, беспокоя вечность !
Я поднимаю руки, плечи, весь
вытягиваюсь по родному телу.
Все, милая, в тебе напоминает ветер.
И голова моя течет по ветру.
Я пробую еще губами ветку
сорвать в зените. Но в саду созвездий
высок, и синь, и зелен виноград.
В твоих глазах с их переменным блеском,
наверное, течет все то же время
замысловатой мерой. И мой выдох
я поцелуем возвращаю ветру.
Пусть будет так. Люби меня покуда.

Свою постель я ставлю у реки.
Так веселее просыпаться ночью,
хотя фламандским праздничным столом
и оркестровым импрессионизмом
звучит в ночи ее сопровожденье
пугающему перезвону звезд...
Я в ней валялся, как в твоей постели.

И правда, в реку входишь телом в тело.
И волосы — с плеча на грудь — щекочут
под эпидермой внутренность. И в сердце
по мозжечку, покалывая темя,
стучится нега. Превращенья близки,
и каждый камень драгоценным членом
цветет в воде... Я понимаю грека,
что отдал дань восторга, за плечом
стоявшего на камне Аполлона.
И все-таки подальше от греха.

А просыпаться ночью — это благо.
Покуда ты его не расплескал,
часть помыслов принадлежала Богу,
вращаясь в этой женственной ночи
по сути сил — рассветом и закатом.
И Слово начинается затактом.
И мне еще неясно, почему я
внимаю человеческому Сыну.
А ночь уже берет меня за спину
и останавливает для поцелуя!

Я чувствую, как вырастает недро
и тает семя, обращаясь в жидкость,
и тело неги раздвигает сжатость
земных объятий. И небесный отрок,
что обещает ведро вслед за ливнем,
гудит над ухом. И его наивность
вновь искупая жертвенною жатвой
и озаряясь радостью предзимней,
земля опять не рассчитала жадность
и пахнет все, и жимолость, и живность !..

И тихое с его алмазной сутрой,
как по стеклу, в мой глаз проходит утро.

Смотрю на горы, и они смеются,
в цветных улыбках пряча ночь. А воздух
стоит с утра молочною рекою.

И солнце в нем плывет и пахнет дыней.

Мои воспоминанья еще влажны.

В них пахнет ночью и редеют звезды.

Одна из них карабкалась по небу

с полуночи, и вот она в зените,

пересекая шепчущий орешник,

покальвает небо и танцует...

И с нею мне в ночи не одиноко.

Так сладко спать. И ощущая жизнь,
хотя б в ее невзгодах, столь же быстрой,
как на руку факира, на события,

которых, будь в его запасе вечность,
не мог бы человек с его привычкой
к движению схватить за узел — крест

его в летучем беге эпизодов
почти что осязая, как судьбу
свою язычник, ослепленный в Фивах, —

которая дается озареньем
и от природы двойственна, как крепость
мужской любви в твореньи мира или
произведеньи брэнного искусства, —

в котором сила извергает жидкость,
в котором семя прорастает словом,
в котором так уж странно ли, что смертный
не может выбрать между сном и жизнью !..

И все-таки пора мне просыпаться
и, собираясь бабочкой в дорогу,
смотреть на гору, и она смеется,
подрагивает, собираясь в фокус
окна в автофургоне, ускоряясь —
она сама идет к тебе... А память
ползет своим путем, как черепашка.
И я хочу куда-нибудь вернуться,
и не выходит. Но и тем сильнее
хочу разговориться, ибо в Слове
я помню дом свой. А выходит только
одна щенячья жалоба из сердца —
щенячья, как щемящая тоска.

Легко ему верить в тебя, Господи,
а мне трудно ! Я видел мало, и долго ли
буду еще колесить по свету
неудобными для сердца путями ?
В поцелуях солнца я только слепну.
От такого ветра слабеет слух мой.
Хочу вернуться домой, и некуда.
Мне опомниться бы, и некогда.
Скорость толкает меня к молчанью.
Хочу припомнить, к кому ночами

прилеплялся телом, и не на чем
мне удержаться !.. Лишь неизвестность
мутным пятном, как чужая местность,
скачет в своих горизонтах новых,
смазана этим душевным спринтом...

Где же покой. Почему так тесен
мир ощущений. А от остановок,
как от сосудов, собравших плесень,
пахнет тоской, и немного спиртом.

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ДУШИ

*Я весь умру.
И. Бродский*

Тебе, подруга, ибо я сажусь
вновь не в свои, как ты сказала б, сани,
хоть от скитаний жду я только бед,
чтобы супругой в окруженьи муз,
как ты хотела, из моих писаний
выживала истину и бред,

я говорю, что не вернусь домой
до осени, а, может быть, до смерти,
поскольку странно это слово — дом,
в котором я переживал с тобой
положенное по любовной смете,
о чем уже и помнится с трудом,

покуда зов, звучащий из письма,
мне возвращает материнский облик.
Ибо всегда привязанность к жене
нас возвращает из пустого сна
к началу жизни, чей интимный облак
не может быть весомей и нежней !..

И все-таки я продолжаю путь
твоим теленком под чужое вымя
и возвращусь, неведомо куда.
И ты меня, попомня зло, забудь.
В тоске смертельной я твержу : не время.
А что за время, Господи, когда

я стану неопрятным стариком.
Я и теперь не очень-то опрятен.
А посмотреть на тело изнутри,
сама подумай, можно ли в таком
жилище душу уберечь от пятен ?
Когда для хирургических смотрин

меня откроют и найдут, что все,
чем я любил и мучался, в порядке —
пути дыханья, семени и желчь
омыты кровью, что стучит в висок,
вращая мозг, и смазывает пятки...
И тем скорей меня прикажут сжечь

либо зарыть на нищенский аршин
в сырую землю, как объедки от
не по желудку пиршественных трапез...
Мы и тогда, пожалуй, не решим,
кого из нас обнюхает Господь,
кого обмочит легендарный Апис.

Вот человек со всей его душой,
со всем его невыдуманном прошлым,
со всем, чему в нем надлежало быть.

И все-таки, дыханьем оглушен,
он отвечает под сердечным поршнем,
что он таким предполагает жить,

в котором претендуют вещество
и пустота на совершенье мига,
как в городах у лобных площадей,
в ком и теперь мы ощущаем, что
есть Бог один. Все остальное — Книга.
А человек — лишь в меру всех вещей.

И так играя, чтоб не умереть,
чужим ребенком в современном, красном
поставленный углу для бития,
я повторяю : пусть приходит смерть.
Мой дом цветет в отчаяньи прекрасном.
Мой дом стоит в начале бытия !

НАЧАЛО КУСТА

Не отвечая на письмо письмом,
я выбросил стихи, как в долгий ящик,
в почту.

Теперь ростком, что разрыхляет почву
Теперь листком, что разрывает почку,
теперь они испуганным птенцом
стучат в руке, завладевая сном,
и не могу я в них поставить точку...

